

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Рост знаниеемкости производства ведет к диффузии
стоимости и собственности». Стенограмма
(30.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). В рамках предшествующего коллоквиума мы с Вами затронули вопрос о соотношении понятий «собственность» и «стоимость»...

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да. Продолжим. Давайте остановимся на понятии «собственность».

Собственность – это не предмет, а отношение. Я начал бы с этого...

АВБ. ...Вы в данном случае, как и в ряде других работ, используете методологию и теорию классической политической экономии. В рамках этой парадигмы собственность именно так и определяется – как общественное отношение, в котором соединяются экономическое содержание (например, отношения капиталиста и наемного работника) и правовое оформление этого содержания (например, частная собственность на капитал и прибавочную стоимость, с одной стороны; собственность наемного работника на свою рабочую силу и заработную плату – с другой).

СДБ. Кто бы спорил?! Но давайте эти абстрактные соотношения рассмотрим на примере. Когда я приехал жить в Великобританию, по-первости меня шокировало понятие property (собственность). Как это понимают британцы. Они говорят: ты

живешь в своей собственности. Подчеркну: не в своей квартире, не в своем доме, а в своей собственности. У тебя, к примеру, 5 собственностей и так далее и тому подобное. На мой взгляд, это неправильно, хотя многие понимают собственность именно так – как нечто, принадлежащее тебе, как предмет. Я же рассматриваю собственность как отношение.

Представьте себе: есть кот Матроскин. Он – «ничейный». Когда у него спрашивают: «Ты чей кот?», он говорит: «Я – ничей кот. Я сам по себе, свой собственный». То есть, условно говоря, он принадлежит сам себе. Или другой пример. Стол принадлежит, например, Вам. Он – Ваш стол. Если он принадлежит мне – он мой стол. Но при этом он не перестает быть столом как предметом, а то что он «чей-то», чья-то собственность – это его качество, которое определяется нашим *отношением* к этому предмету. *Мой* стол – это Ваше и мое отношение к этому столу – скажем, отношение такое, что этот предмет является моей собственностью.

Продолжу. Что такое стоимость? Стол может стоить, условно говоря, 100 рублей. В момент, когда я сплю, он мне не нужен (вспомним о сопряжении стоимости с полезностью). Стол не стоит для меня сейчас ничего. Зато когда я работаю, он стоит, может быть, и больше ста рублей. Потому что 100 рублей – это рыночная цена этого стола. Это – отношение, которое устанавливается в процессе мены и если полезность этого стола будет равна 100 рублям, то это будет цена, в основе которой лежит стоимость этого стола. И это – отношение, которое возникает в процессе производства стола, его обмена на деньги и последующего потребления, когда кто-то, сидя за ним, работает.

АВБ. Здесь интегрируются отношения людей в процессе производства (стола), обмена и потребления, где полезность этого предмета становится практически актуальной.

СДБ. Я бы сказал иначе: эта полезность устанавливается в процессе мены и использования этого предмета – стола. При этом, подчеркну, ценность – это весьма относительная штука. И полезность – тоже относительная штука. Потому что, когда я сплю, полезность стола для меня снижается до нуля, а когда я работаю – она, напомню, возрастает и может быть больше 100 рублей. Когда я голоден, одна-единственная рыбка мне очень дорога. Но если я наелся и мне дают рыбку, я могу ее завернуть в

бумажку и положить на хранение в холодильник просто на всякий случай, или даже вообще выбросить, мне она не нужна. Хотя стоимость у нее есть. Почему? Потому что (и здесь мы уже переходим в пространство классической политической экономии) стоимость есть овеществленный абстрактный труд.

Таким образом, получается, что мы сделали этот стол или поймали эту рыбку, затратили труд, и, если мы получили на рынке денежный эквивалент, результаты этого труда обрели стоимость. При этом стоимость эта исчисляется.

Однако здесь есть место и для акцента на полезности вещи...

АВБ. ... в марксистской политической экономии есть важный тезис: товар есть единство стоимости (овеществленного абстрактного труда) и потребительной стоимости (продукта конкретного труда, полезности вещи)...

СДБ. ...и потому мы здесь видим пересечение с теорией полезности, а это, на мой взгляд, даже более взвешенная трактовка феномена «стоимость», потому что это отношение людей к предмету в процессе мены. Это – качество, которое мы придаем предмету через свои отношения в процессе обмена этими предметами, мены этих предметов, одного на другое, понимаете?

АВБ. Да, понимаю, хотя и не считаю, что для учета полезности товара надо обращаться к теории полезности.

СДБ. Хорошо, оставим этот спор. Посмотрим на компоненты, на которые разлагается стоимость. Это – постоянный капитал, переменный капитал (стоимость рабочей силы) и прибавочная стоимость. В процессе капиталистического производства создается продукт – нечто, что затем в процессе мены превращается в товар. Чей он?

АВБ. Ответ известен: капиталиста. Прибавочная стоимость присваивается капиталистом в момент, когда продукт труда работника воплощен в товаре, являющемся собственностью капиталиста.

СДБ. Один феномен – стоимость (включая прибавочную стоимость) переходит в другое качество – в качество под названием «собственность». И эта собственность чья-то.

АВБ. Капиталиста...

СДБ. Для меня в данном случае важен момент перехода.

Что дальше? Дальше, если мы говорим о собственности, то капиталист, присвоивший результат труда работника, обменивает этот результат (являющийся его собственностью товар) на рынке на деньги.

АВБ. ...Часть из них он потратит на компенсацию затрат на постоянный капитал, часть пойдет на заработную плату работника, а оставшаяся часть (прибавочная стоимость) будет использована на личное потребление и на инвестиции в расширение производства...

СДБ. Да, конечно, известное дело. Рассмотрим ту часть, которую капиталист инвестировал в процесс производства, потратив ее опять же на постоянный капитал (покупку средств производства) и на переменный капитал (найм работников). Собственно говоря, эта ситуация описывает непрерывный процесс производства, т. е. воспроизводство. В этом процессе происходит «перевод» собственности из одного состояния в другое – во второй стол, третий стол, пятый стол, но главное – в стоимость. В том числе и в прибавочную стоимость. В этом смысле всякая вновь полученная «новая» прибавочная стоимость есть «предыдущая» (включая все предыдущие циклы воспроизводства) прибавочная стоимость плюс переменный капитал «нового» цикла.

СДБ. Теперь усложним наш анализ и рассмотрим ситуацию, когда в экономике определяющую роль играют знания. Итак, есть знания. Они имплементируются в новые товары, которые становятся новыми объектами собственности капиталиста...

АВБ. ...и в этом процессе в некоем товаре опредмечиваются как те знания, которые привнес капиталист (например, купив патент на новую технологию или самостоятельно сделав изобретение подобно Генри Форду, которому приписывают идею конвейера), так и те, которыми обладают работники (скажем, знания, полученные в процессе бесплатного общественного образования в МГУ). Результаты и того и другого присваивает собственник произведенного при помощи этих знаний товара, т. е. капиталист.

СДБ. Сделаю несколько иной акцент: знание находится «внутри» и переменного капитала, и постоянного капитала, и оно (это знание), в отличие от других факторов производства, относительно дешевет. При этом знания сублимируются в предметы, которые становятся собственностью капиталиста и выносятся на рынок.

В следующем цикле мы имеем более квалифицированную рабочую силу, которая формирует новое качество переменного капитала, такой работник обладает большими знаниями и способностью создавать большую стоимость и большую прибавочную стоимость. Кроме того, знаний становится все больше и в постоянной части капитала, которая переносится на вновь создаваемый товар. Все это входит в следующий цикл производства, в котором используются и те знания, которыми обладает наемный работник, и те, что воплощены в новом постоянном капитале. И произведенный продукт, и воплощенные в нем знания прогрессируют. И самое главное – постоянно, все время увеличиваются доля и роль знаний как в переменном, так и в постоянном капитале (по Марксу).

Более того, в этом процессе снижается роль труда как такового, в первую очередь – физического.

В результате знаниеемкость произведенного продукта, являющегося собственностью капиталиста, растет. Вслед за этим растет знаниеемкость постоянного капитала и «знаниеемкость» работника.

АВБ. Отмечу последнее, это важно. В результате технологического развития, с одной стороны, стоимость рабочей силы наемного работника увеличивается. В нее во все большей степени входят затраты на образование, на здравоохранение, культуру, свободное время и т. п. С другой стороны, сокращается объем необходимых для производства товара затрат труда.

СДБ. Ах, как точно Вы это заметили! Доля труда, несмотря на рост его знаниеемкости и стоимости его, падает с ростом знаниеемкости производства в целом! А в перспективе, по Марксу, наступит время, когда человек выйдет за пределы материального производства.

АВБ. Да, Маркс писал даже об «уничтожении труда»...

СДБ. Он как бы тем самым говорит сначала о том, что переменный капитал исчезнет. Но при этом Маркс говорит что? Что прибавочная стоимость – это результат исключительно труда!..

АВБ. Да. Это именно так.

СДБ. Но если труд исчезает, то исчезает и прибавочная стоимость.

АВБ. Да. А вместе с этим исчезнет и капитализм, и рынок.

СДБ. А если исчезает прибавочная стоимость, то тогда исчезает и стоимость! И стоимость, переходящая в собственность...

АВБ. ...тоже исчезает.

СДБ. Редуцируется, по крайней мере. Да. Более того, в этом случае мы, с одной стороны, имеем больше знаний, а с другой – все меньшая роль труда приводит к тому, что собственность как таковая как бы все больше порождает саму себя. Есть ли в этом экономический, именно экономический (!), смысл? Его нет, потому что сам факт или акт присвоения становится ненужным в этом процессе. И в результате получается, что исчезают экономические отношения как таковые.

Это – очень важное следствие всех моих рассуждений.

АВБ. Этот вывод прямо корреспондирует с тем, что Вы писали в своих работах по ноономике.

СДБ. Рассмотрим еще один вопрос (все-таки – о полезности): а как сказанное связано с проблемой полезности? Если, скажем, полезность нашей вещи, какой-то для нас, важна как для потребителя, то мы готовы за эту вещь, скажем, что-то другое отдать. Но – представьте себе, что собственности как таковой нет.

Возникает коллизия: с одной стороны – предмет (пусть все тот же стол) для меня полезен. Но при этом он не мой стол и не ваш стол, он ничей – стол.

Описание вот этого процесса, скажем производства, наращивания, присвоения благ через схему предельной полезности, является в общем-то неточным. Но и у Маркса это неправильно подано...

АВБ. А что с Вашей точки зрения у Маркса неправильно?

СДБ. А неправильно то, что в теории прибавочной стоимости Маркса жестко утверждается, что она есть результат исключительно труда. А это в современных условиях, как мы показали выше, результат не исключительно труда. Это результат наращивания знаниеемкости во всех процессах. Это – результат снижения «трудоемкости» производства, снижения в нем доли труда с наращиванием знаниеемкости всех компонент производства продукта и последовательным соответствующим редуцированием собственности. Фактически знание заместит труд, переводя его в качестве субчасти в то, что Маркс назвал постоянным капиталом. Функции труда перейдут к машинам. И что? Теперь

исключительно они, а не «исключительно труд», будут создавать новый результат «общественного производства». Собственность, которая диффундирует.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я позволю себе реплику. В марксизме принято считать, что в условиях господства автоматизированного производства и вытеснения живого труда из непосредственного производственного процесса на смену рыночно-капиталистической организации производства приходит иная. Капитализм, рынок несовместимы с автоматизированным производством подобно тому, как феодализм несовместим с господством индустрии. Исключения возможны (например, использование труда крепостных на металлургических фабриках Демидова в Российской империи), но только и именно исключения. И в этих – новых – условиях стоимость не создается. Создаются общественные блага, стоимости не имеющие. Учету подлежат только общественно необходимые затраты овеществленного труда. Соответственно в этих условиях нет ни прибавочной стоимости, ни капитала, ни частной собственности. Такова концепция Маркса.

СДБ. Я с этим согласен, и теория нономики подводит к сходным выводам. Но никакого (!) объяснения этого феномена эти самые «люди в марксизме» не дают, и больше того, если вы открываете советские учебники политэкономии (а я ответ на этот вопрос поискал в четырех учебниках), то везде находите нечто иное. Точнее – того, что Вы, Александр Владимирович, говорите, Вы там не найдете. Кстати, найдите мне в «Капитале» положение о том, что автоматизированный труд приведет к исчезновению капитализма.

АВБ. В «Капитале», быть может, и не найду, разве что в одном из фрагментов III тома, где говорится о «царстве свободы», но в экономических рукописях 1957-1958 годов есть тезисы, говорящие, что творчество как всеобщий труд есть предел капитализма. Ну а то что я говорил выше, это не столько Маркс, сколько марксизм 60-х – 70-х годов XX века – то, на чем я вырос и то, чем мы занимались в МГУ. Так что тут Вы правы: у Маркса этот тезис лишь обозначен.

СДБ. Творчество – да, да только это не совсем то, о чем мы сейчас говорим. Творил и древний человек. И мастер в средневековье. Да уровень знаниеемкости их, если хотите, «творче-

ской компоненты» труда был разный. Именно это, знаниеемкость, ее рост ведёт к «уничтожению труда»!.. И вообще – что есть этот Марксов «всеобщий труд»?.. Нет проясняющего комментария ни у него, ни у марксистов.

Но – давайте оставим историю вопроса и перейдем к реалиям XXI века. Я в рамках теории ноономики пытаюсь объяснить, почему исчезают и труд, и прибавочная стоимость. Потому что идет процесс насыщения всех компонентов производства, в том числе тех, что перечисляет Маркс, знаниями. В результате знание, становясь важнейшим фактором производства, изменяет содержание последнего, ибо знание – это фактор, который имеет особую природу. Он размывает то объективное отношение, которое имеет имя «стоимость».

Причина фундаментальна: по мере повышения роли знаний в производстве стоимость снижается вплоть до исчезновения. В зависимости от того, сколь широко используются те или другие знания для производства, происходит диффузия стоимости. В результате, когда идет процесс насыщения знаниями, знания перетекают в продукт производства, и если рассматривать экономическое инвестирование, то в этом процессе знания постоянно накапливаются и умножаются. Говоря упрощенно, их (знаний) там, в продуктах производства, становится все больше и больше. Как в производстве, условно говоря, iPhone (этот пример мы разбирали в книге о ноономике). А стоимость становится все меньше и меньше, потому что там меньше и меньше труда.

АВБ. Я так понимаю, что дальше Вы перейдете к проблеме диффузии не только стоимости, но и собственности.

СДБ. Да, но надо иметь в виду, что диффузия стоимости – это лишь часть более общего процесса. Речь идет о том, что по мере прогресса знания экономические отношения редуцируются и, в частности, редуцируются отношения собственности. «Исход» экономических отношений – это как бы конец всего процесса, всей этой цепочки, а посередине стоит диффузия собственности.

Диффузия собственности и диффузия стоимости взаимосвязаны, ибо мы в процессе общественного производства создаем стоимость, которая перетекает в собственность в момент присвоения имеющего стоимость товара. В момент инвестирования в производство стоимость, овеществленная в объекте собственно-

сти, опять перетекает в стоимость постоянного капитала. Соответственно, если диффундирует одно, то диффундирует и другое.

Этот процесс, еще раз подчеркну, идет следующим образом. Повышение знаниеемкости приводит к тому, что редуцируется труд как фактор производства – он замещается знаниями сначала во все большей мере, а в конечном итоге – целиком, и далее накапливаются уже знания. Но знание – и вот здесь – особая важность: это – особый фактор производства, и этот фактор имеет другую природу, нежели материальные факторы и труд, и он (этот новый фактор, знание) имеет особое свойство – дешеветь в силу того, что его стоимость «размазывается» на огромное (в пределе – бесконечное) количество тех, кто получает это знание.

АВБ. Пожалуй, стоит сделать на этом акцент: знание – это «продукт», который можно раздавать сколь угодно широкому кругу потребителей, при этом его не теряя. Раз, однажды «произведенное» знание (скажем, $2 + 2 = 4$), в перспективе может получить любой человек. Так возникает потенциальная возможность перехода к отношениям, которые советский марксист конца XX века Вадим Межуев назвал собственностью каждого на все, а Вы, как мне кажется, назовете... исчезновением собственности.

СДБ. «Собственность каждого на все» как понятие ничего не объясняет. И оно базируется на ложном понимании сохранения отношения собственности. А оно «испаряется»! Здесь – другое. Знание становится доступно все более широкому (в абсолюте – бесконечному!) кругу потребителей, поэтому присвоение не может быть единым актом, оно становится множественным, «разомкнутым» во времени и пространстве, и в этом – коренное отличие знания от всех других вещей. Соответственно, происходит сокращение основных компонентов в формуле Маркса $c + v + m$, сокращение значимости стоимости и как следствие – сокращение значимости собственности, а в перспективе – и вообще экономических отношений. Отсюда, собственно говоря, простой вывод: с наращиванием научно-технического прогресса, его развитием связан процесс редуцирования экономических отношений. И всякое сопротивление этому процессу создает возможность конфликта, причем не только общественно-экономического.

А раз так – встает фундаментальная задача: социализация общества как естественная потребность, которая пересекается с

идеями марксистов о том, что необходимо «счастье для всех», равенство – хотя бы в доступе к благам и так далее.

И это – не только проблемы будущего. Недавно в Давосе в очередной раз говорили о кризисе, о его последствиях. Одно из последствий сегодняшней экономической обстановки, так скажем, ее развитие – это не только высокая геополитическая конфликтность и связанные с этим вопросы, но и основная проблема – проблема неравенства, бедности, экономического эгоизма и так далее. Ее неразрешенность приводит, собственно говоря, к разрушению экономической системы именно как системы. Потому что здесь напряжение экономических отношений достигает своего высокого градуса, возможно – предельного. В результате экономика – и не только экономика, собственно, социальная сфера – могут не выдержать...

Теория ноономики, объясняя причины происходящего, не просто – описательная история. Она еще и тенденции развития цивилизации формулирует, и строго доказывает, какие тренды грядут. И – главное: на этой основе, научной основе, предлагает конкретные решения. Социализация общества – новая мощная объективная потребность человечества – невозможна без солидарного подхода мирового сообщества к реализации этих решений. Отсюда – и потребность в солидаризме как идеологической платформе ноономики, о чем я говорил в своем докладе на нашем международном ИНИРовском семинаре в декабре 2020 года.